

INSPIRIA

INSPIRIA

Митико Какутани
Экслибрис. Лучшие
книги современности
Серия «Loft. Культурный код»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68335174
ISBN 978-5-04-175022-0

Аннотация

Лауреат Пулитцеровской премии, влиятельный литературный обозреватель The New York Times Митико Какутани в ярко иллюстрированном сборнике рассказывает о самых важных книгах современности – и объясняет, почему их должен прочесть каждый.

Почему книги так важны? Митико Какутани, критик с мировым именем, убеждена: литература способна объединять людей, невзирая на культурные различия, государственные границы и исторические эпохи. Чтение позволяет понять жизнь других, не похожих на нас людей и разделить пережитые ими радости и потери. В «Экслибрисе» Какутани рассказывает о более чем 100 книгах: это и тексты, определившие ее жизнь, и важнейшие произведения современной литературы, и книги, которые позволяют лучше понять мир, в котором мы живем сегодня.

В сборнике эссе читатели откроют для себя книги актуальных писателей, вспомнят классику, которую стоит перечитать, а также познакомятся с самыми значимыми научно-популярными трудами, биографиями и мемуарами. Дон Делилло, Елена Ферранте, Уильям Гибсон, Иэн Макьюэн, Владимир Набоков и Хорхе Луис Борхес, научпоп о медицине, политике и цифровой революции, детские и юношеские книги – лишь малая часть того, что содержится в книге.

Проиллюстрированная стильными авторскими рисунками, напоминающими старинные экслибрисы, книга поможет сориентироваться в безграничном мире литературы и поможет лучше понимать происходящие в ней процессы. «Экслибрис» – это настоящий подарок для всех, кто любит читать.

«Митико Какутани – это мой главный внутренний собеседник: вечно с ней про себя спорю, почти никогда не соглашаюсь, но бесконечно восхищаюсь и чту». – *Галина Юзефович, литературный критик*

«Книга для настоящих библиофилов». – *Опра Уинфри*

«Одухотворенная, сердечная дань уважения книгам и чтению». – *Kirkus Review*

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Введение	7
Американха (2013)	18
Свет мира	23
Мухаммед Али	27
Опыт	32
Уайнсбург, Огайо (1919 год)	37
Истоки тоталитаризма (1951)	40
Рассказ служанки (1985)	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Митико Какутани

Экслибрис

Лучшие книги современности

Michiko Kakutani

EX LIBRIS: 100+ BOOKS TO READ AND REREAD

Copyright © 2020 by Michiko Kakutani

Illustrations copyright © 2020 by Dana Tanamachi

Book design by Danielle Deschenes

Cover illustrations by Dana Tanamachi

© Зверева А. С., перевод на русский язык, 2022

© Коваленко В. Л., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

ЭКЛИБРИС

МИТИКО

Введение

Выступая на вручении Пулитцеровской премии, драматург Август Уилсон рассказывал, что в детстве – единственный в семье – мечтал прочитать все книги в доме. Его библиотечный абонемент был затерт до дыр, и книги он всегда возвращал задолго до срока. В пятнадцать лет он бросил учебу, но каждый день проводил в библиотеке Карнеги в Питтсбурге за историческими трудами, биографиями, поэзией и работами по антропологии – по сути, эта библиотека могла выдать ему аттестат об окончании школы. По словам драматурга, прочитанное там «открыло ему новый мир, куда он зашел однажды – да так и не вышел». Так он пережил невероятную трансформацию – «и стал писателем».

Доктор Оливер Сакс называл местную библиотеку, куда хаживал ребенком в Виллсдене, пригороде Лондона, «своим университетом», а Рэй Бредбери уверял, что «в библиотеке – полное образование». Вспомним и двух знаменитых самоучек – Авраама Линкольна и Фредерика Дугласа: книги, которые они прочли в пору взросления, оставили неизгладимый след, повлияли на их жизненные устремления, снабди-

ли необходимым языком и суждениями. И это позже помогло им активно участвовать в формировании истории своей страны.

Вирджиния Вульф писала: «Удовольствие от чтения – огромно. Нет сомнений, что без него мир был бы совсем другим... Чтение изменило наш мир и меняет его до сих пор». «Когда-то мы превратились из обезьяны в человека, покинули пещеры, отбросили лук и стрелы, – говорила она, – а потом сели вокруг костра и начали беседовать. Стали помогать бедным и больным, превращать пустыни и непроходимые джунгли в места для жизни, строить дома и приюты. И это потому, что в какой-то момент полюбили читать».

Альберто Мангель¹ в книге 1996 года «История чтения» описал персидского властелина X века. Тот путешествовал, не расставаясь с библиотекой, насчитывавшей 117 тысяч экземпляров, нагрузив оную на спины «четырёх сотен верблюдов, обученных ходить в алфавитном порядке». Тот же Мангель рассказывал об интересной практике, принятой в конце XIX века на фабриках по изготовлению сигар на Кубе, – там нанимали чтецов, чтобы они читали вслух для занятых трудом рабочих. Писал он и об отце одного из своих школьных учителей: он знал на память множество классических книг, благодаря чему для сокамерников в нацистском концлагере

---

¹ Альберто Мангель (род. 1948) – канадский писатель, журналист, переводчик и бывший директор Национальной библиотеки Аргентины. (*Здесь и далее – прим. ред.*)

Заксенхаузен стал чем-то вроде библиотеки. Подобно книголюбам из романа «451 градус по Фаренгейту», которые хранили знания, запоминая книги наизусть, он воспроизводил вслух целые отрывки.

Почему же мы так любим книги?

Эти сделанные из бумаги, чернил, клея, ниток, картона, ткани или кожи волшебные прямоугольники, похожие на кирпичи, – не что иное, как миниатюрные машины времени, способные перенести нас в прошлое, чтобы мы извлекли урок из истории и отправились в идеализированное или антиутопическое будущее. Книги перемещают нас в отдаленные уголки Земли, даже на далекие планеты и галактики. Из книг мы узнаем о мужчинах и женщинах, с которыми никогда не познакомимся лично, об открытиях великих мыслителей и опыте предыдущих поколений. Книги учат астрономии и физике, ботанике и химии; объясняют механизм космоплавания и изменения климатических условий; знакомят с верованиями, взглядами и письменностью, отличающимися от наших собственных. А еще могут доставить нас в выдуманные миры – вроде страны Оз, Средиземья, Нарнии или Страны чудес. И туда, где Макс становится королем чудовищ².

В детстве книги были для меня убежищем, укрытием.

Я росла единственным ребенком и привыкла к одиночеству. Читала обычно в домике, сделанном из картонной ко-

---

² Макс – мальчик, герой книги Мориса Сендака «Там, где живут чудовища».

робки от холодильника, – отец прорезал в ней двери и окна. Ночью светила на книгу фонариком. На школьных переменах уходила в библиотеку, прячась от задиристых одноклассников. Читала на заднем сиденье машины, хотя меня укачивало и тошнило. Читала за ужином. А поскольку мама считала, что книга и еда несовместимы, я читала все, что попало на глаза: надписи на упаковках от хлопьев, инструкции к электроприборам, чеки из магазина, состав кофейного пирога с орешками или торта с бисквитной крошкой. Рецепт приготовления яблочного пирога на обратной стороне упаковки печенья «Ритц» я прочла столько раз, что легко произносила его наизусть. Я была жадна до слов.

В детстве персонажи некоторых историй казались мне такими реальными, что я опасалась, как бы они не вышагнули ночью со страниц в комнату, если я забуду захлопнуть книгу. Представляла, как самые страшные герои сказок Л. Фрэнка Баума о волшебной стране Оз – крылатые обезьяны, король гномов или колдунья Момби, повелевающая силой волшебного порошка, – покинут книгу и моя спальня станет для них порталом в наш мир, где они начнут сеять хаос и разорение.

За десятки лет до бешеного успеха сериалов «Игры престолов», «Во все тяжкие» и «Клан Сопрано» я запоем читала детективные романы о Нэнси Дрю³, книги о Черном же-

---

³ Персонаж, девушка-детектив. Была создана Эдвардом Стратемаэром, основателем книжного издательства «Синдикат Стратемаэра».

ребце⁴, биографии издательства «Лэндмарк» и даже целые разделы из «Международной книжной энциклопедии», с помощью которой отец доводил до совершенства свой английский по приезду из Японии в Соединенные Штаты.

В старших классах и на первом курсе университета я перешла к поглощению книг об экзистенциализме – «Посторонний», «За закрытыми дверями», «Записки из подполья», «Иррациональный человек», «Или – или», «Рождение трагедии из духа музыки»; об истории черного движения – «Автобиография Малкольма Икса»⁵, «В следующий раз – пожар», «Мэнчайлд в земле обетованной»⁶, «Черный, как я», «Черная кожа, белые маски». А еще к научной и антиутопической фантастике – «1984», «Скотный двор», «Дюна», «Человек в картинках», «451 градус по Фаренгейту», «Конец детства», «Заводной апельсин», «Колыбель для кошки». Читала, что попадет под руку. Тогда я даже не задумывалась, что меня так цепляет в этих книгах. Однако, оглядываясь назад, могу сказать: входя в немногочисленную группу не белых детей в школе, я тянулась к чтению книг о чужаках, которые пытались понять, кто они и где их место. Даже Дороти из Волшебной страны Оз, Алиса из Зазеркалья и Люси из Нарнии,

---

⁴ Заглавный персонаж бестселлеров Уолтера Фарли об арабском жеребце и его молодом хозяине Алеке Рамзи.

⁵ Малкольм Икс, или эль-Хадж Малик эш-Шабазз – афроамериканский исламский духовный лидер и борец за права чернокожих.

⁶ «Manchild in the Promised Land» – автобиографический роман Клода Брауна о взрослении в бедных и криминальных районах Гарлема 1940–1950-х годов.

как я поняла позже, были такими вот пришельцами на чужой земле и старались выяснить, как жить в мире, где привычные правила не работают.

Не помню, откуда мы брали информацию о новых книгах и авторах в эпоху до интернета и как решали, что почитать. Впервые о Хемингуэе, Роберте Пенне Уоррене, Джеймсе Болдуине и Филиппе Роте я узнала еще в детстве – из написанных ими или о них статей в журналах вроде «Лайф» или «Лук». «Безмолвную весну» Рейчел Карсон я прочла, потому что эту книгу читала мать, а с поэзией Т. С. Элиота познакомилась благодаря мистеру Адинолфи – обожаемому учителю литературы, который заставил нас выучить наизусть «Любовную песнь Дж. Альфреда Пруфрока». Я из тех, кто многое впервые испытал именно во время чтения книг и только потом встретился с этим в жизни.

Однажды Джеймс Болдуин сказал: «Вы читаете о чем-то, что, как вы думали, происходило только с вами, и вот выясняется, что это же случилось с Достоевским сто лет назад. Какое же это величайшее освобождение для переживающего не лучшие времена человека, уверенного, что он одинок в своем страдании. Вот в чем подлинная ценность искусства».

Страницы этого обзора освещают некоторые давно полюбившиеся читателю произведения – «Излом времени», «Моби Дик», «Пальма на краю сознания»; несколько старых книг, высвечивающих трудности наших беспокойных политических будней, – «Параноидальный стиль в амери-

канской политике», «Происхождение тоталитаризма», «Федералист»; популярные произведения научной фантастики, оказавшие влияние на последующие поколения писателей, – «Уайнсбург, Огайо», «Когда я умирала», «Одиссея»; журналистские и научные исследования, посвященные насущным проблемам нашего времени, – «Бесконечная война», «Шестое вымирание», «Зарождение всего нового»; работы, проливающие свет на потаенные стороны мира и человеческого разума, – «Мечты об Арктике», «Девушка из лаборатории», «Человек, который принял жену за шляпу»; и те книги, к которым я постоянно обращалась сама или рекомендовала друзьям.

Сюда вошли некоторые любимые мною классические произведения, однако многие прекрасные книги, обязательные к прочтению, остались за кадром, не говоря о тех, что мы помним из списка школьной и университетской программы. Поэтому я добавила побольше недавно вышедших романов, рассказов и мемуаров пера современных писателей, а также научно-популярные работы о колоссальном воздействии на мир тех сдвигов, которые он претерпевает в сфере технологий, политики и культуры.

Как любой список или антология, моя подборка не претендует на объективность: книги отобраны в довольно произвольном порядке. Сложно ограничиться только сотней (поэтому некоторые статьи включают упоминание более одной книги), и мне было непросто удержаться от того, чтобы

добавить еще сто не менее достойных, вдохновляющих и актуальных изданий.

На протяжении многих лет мне посчастливилось встретить на пути прекрасных людей, у которых я научилась проникать глубоко в суть написанного в книгах. Судьба сводила меня с потрясающими редакторами, среди них – бывший исполняющий редактор «Нью-Йорк таймс» Артур Гельб, журналист, одинаково хорошо чувствующий себя в мире культуры и в пространстве самых актуальных новостей. Благодаря ему я начала зарабатывать чтением.

На этих страницах я выступаю в роли скорее восторженной поклонницы, нежели критика. Я не пытаюсь объяснить скрытый смысл произведений или определить их место в литературном пространстве. Моя цель – вдохновить вас прочитать или перечитать эти книги, потому что они заслуживают максимально широкого круга читателей. Они актуальны, написаны сильно и красиво. Они знакомят нас с миром, другими людьми или нашими же собственными эмоциями. Ну и, наконец, напоминают, почему мы когда-то полюбили чтение.

В нынешнем противоречивом, раздробленном мире чтение приобретает небывалое значение. Книги позволяют по-

бедить повсеместный в нашу эпоху синдром дефицита внимания. И пережить необыкновенный, глубочайший опыт – будь то волшебное эмоциональное погружение в мир захватывающего романа или глубокие раздумья, вызванные чтением толковой или провокационной научно-популярной работы.

Книги способны дать свежий взгляд на историю и предоставить неограниченный доступ к любому виду знаний, старых или новых. Бывший министр обороны США Джеймс Мэттис, собравший библиотеку из 700 книг, так говорил о проведенных на военной службе годах: «Благодаря любви к чтению я всегда прочно стоял на ногах и всегда знал, как поступить в любом сложном положении, какие бы трудности передо мной ни вставали. Чтение не давало мне ответа на все вопросы, но оно всегда освещало путь».

И, прежде всего, книги пробуждают в нас эмпатию – чувство все более ценное в мире, стремящемся к обособлению и расколу. Вспомним слова Джин Рис: «Чтение всех нас делает иммигрантами. Читая, мы покидаем дом, но, что важнее, – обретаем его где-то еще».

На протяжении многих

лет мне посчастливилось встретить на пути прекрасных людей, у которых я научилась проникать глубоко в суть написанного в книгах.

Литература в ее лучшем проявлении удивляет, вдохновляет, подвергает сомнению устоявшиеся взгляды, заставляет меняться. Книги вытряхивают разум из привычного – по принципу «мы – они» – мышления и переводят его в русло тонкостей и контекста. Литература бросает вызов принятому в политике идеологическому догматизму, религиозным убеждениям, традиционному мнению и мышлению (именно поэтому при авторитарных режимах запрещают и жгут книги). Чтение выполняет те же функции, что образование и путешествия, – делает нас открытыми множеству разнообразных точек зрения и суждений.

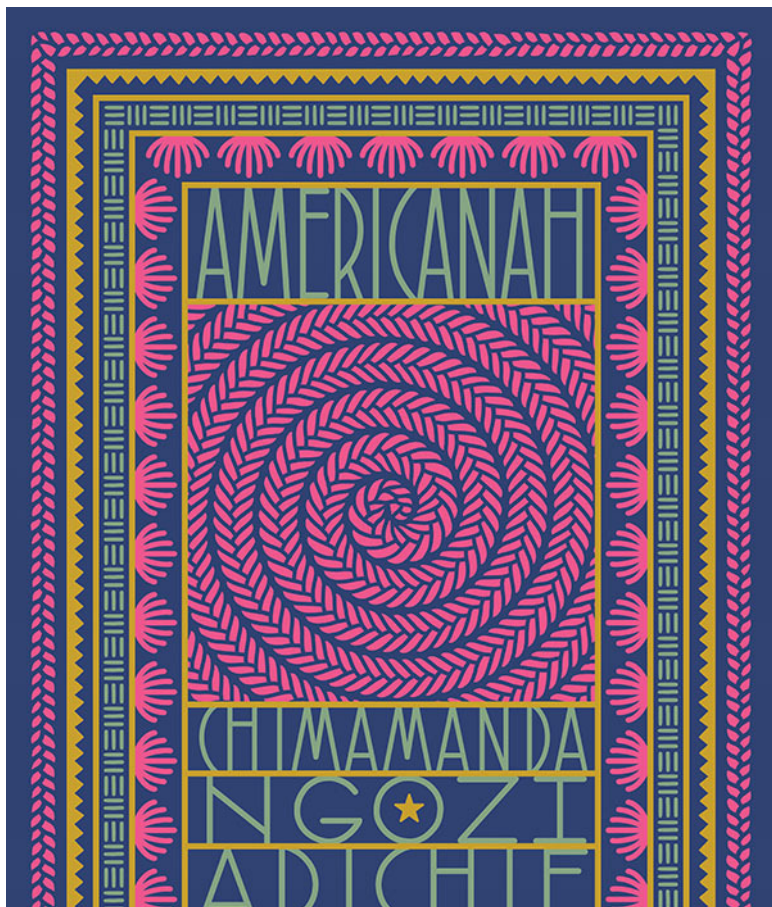
По мнению Дэвида Фостера Уоллеса, литературные произведения дают «ограниченному собственной черепной коробкой» читателю воображаемый «доступ к другому себе».

Или, выражаясь словами Барака Обамы, сказанными в последнюю неделю правления в Белом доме, книги восполняют нашу потребность в понимании исторической перспективы, наделяют чувством солидарности с другими людьми и предоставляют «возможность побывать в чужой шкуре». Они напоминают нам «о скрытой под спудом ежедневных споров истине» и о важной роли повествования: «объединять, а не разделять, приглашать к совместному действию, а не обособливаться и оставаться в изоляции».

В раздираемом политическими и общественными противоречиями мире литературные произведения способны объединять людей из разных уголков планеты, невзирая на разность культур, места жительства, часовых поясов, религиозных убеждений, государственные границы и исторические эпохи. Чтение книг позволяет понять жизнь других, не похожих на нас людей и разделить пережитые ими радости и потери.

Американха (2013)
Чимаманда Нгози Адичи

«Американха» Чимаманды Нгози Адичи – пронзительная, трогательная и забавная история о взрослении. Старомодная любовная притча и вместе с тем пронцательное размышление о расовых и классовых различиях, а также процессе иммиграции и самоидентификации в стремительно меняющемся мире.

Искренняя и бесстрашная Адичи Ифемелу, чья пора взросления проходит в нигерийском городе Лагосе, будучи старшекласницей, влюбляется в сына учителя литературы, честного и обаятельного Обинзе. Вспыхивают чувства – «она вдруг поняла, что хочет дышать тем же воздухом, что и он», – и они рисуют картины общего будущего предположительно в Америке, стране, к которой Обинзе испытывает трепетное почтение.

В университете, где учится Ифемелу, бастуют преподаватели, и Обинзе убеждает девушку принять предложенный американским колледжем грант на обучение. Он уверяет: как только получит диплом, подаст на визу и последует за ней. Но планам не суждено сбыться из-за ужесточений иммиграционной политики в связи с событиями одиннадцатого сентября. Вместо Америки он едет в Лондон и несколько лет ведет жизнь нелегального эмигранта, перебиваясь на низкооплачиваемой работе. В конце концов возвращается в Лагос, преуспевает на поприще строительного предпринимателя, женится и заводит ребенка.

Тем временем Ифемелу из всех сил пытается приспособиться к жизни в Америке. Сравнивает личные наблюдения с эпизодами виденного в детстве и юности комедийного сериала «Шоу Косби».

У Адичи дар подмечать и доносить до читателя эмоциональные особенности людей и их поведения в обществе. Похождения Ифемелу она описывает с удивительной непосредственностью.

Героиня жаждет «узнать и понять об Америке все»: каково «болеть за какую-нибудь команду в Суперкубке, понимать, что такое «Твинки» и что означают „локауты“ в спорте, заказывать „маффин“, не задумываясь, что на самом деле это кекс». На родине она никогда не считала себя «черной», а теперь ошарашена, что в Соединенных Штатах расовый вопрос пронизывает буквально все сферы жизни – начиная от романтических связей и дружбы до рабочих отношений. У себя в блоге, в посте, адресованном «собратьям черным неа-

мериканцам», она пишет: «Не спорь. Перестань долдонить, что ты – ямаец или гайанец. Америке плевать. Ну и что, что в своей стране ты не был „черным“? Ты же теперь в Америке».

У Адичи дар подмечать и доносить до читателя эмоциональные особенности людей и их поведения в обществе. Похождения Ифемелу она описывает с удивительной непосредственностью, иронизируя и над повседневным расизмом американцев, и над ханжеством прогрессистов, которые носят либеральную политику, как значок, пристегиваемый по мере необходимости.

Иностранка Ифемелу с юмором рассказывает о странностях американской культуры: на вечеринках вместо того, чтобы танцевать, люди встают в круг и напиваются; многие, дабы продемонстрировать, какие они «обалденные, занятые, крутые, ненапряжные и не морочящие себе голову тем, как выглядят в глазах других людей», «ходят учиться в пижамах, а в магазин – в нижнем белье». Она замечает, что американцы называют математику в единственном числе, а не во множественном⁷, а серьезные ученые способны яростно дискутировать на тему вроде «зреющих при перевозке импортных овощей».

По прошествии лет блог Ифемелу, известный под названием «Расизмушка, или Любопытные наблюдения черной не-американки о том, каково быть черным в Америке», ста-

---

⁷ Здесь сравнивается американский вариант слова «математика» – math против британского варианта – maths.

новится популярным. Героиня обретает небывалую ранее уверенность в себе и после разрыва с успешным предпринимателем заводит роман с темнокожим профессором Йельского университета, с которым они – почти идеальная пара.

Однако Ифемелу не перестает думать о первой любви, Обинзе – «ее первой любви, первом любовнике, единственном человеке, которому никогда не нужно было ничего растолковывать». Она понимает: часто приходящее к ней чувство «сковывающих душу уз» – это ностальгия по родному Лагосу и семье. И вот, после тринадцати лет в Америке, она решает вернуться в Лагос, путь куда оказывается таким же непростым, как проведенные на чужбине годы. Во впечатляющем повествовании Адичи все пережитое Ифемелу становится историей, принадлежащей и не принадлежащей миру, в котором самоопределение – это и нечто изменчивое, и в то же время задающее линию поведения, а также рассказом о том, как мы меняемся под воздействием мест, где взрослеем и куда приезжаем жить.

Свет мира

Мемуары (2015)

Элизабет Александер

Во врезающихся в память воспоминаниях о любви, потерях и горестях «Свет мира» («*The Light of the World*»⁸) Элизабет Александер описывает эмоциональный крах, постигший ее после смерти мужа, Фикра Габриазису, и то, как она и ее сыновья, Соломон и Саймон, поддерживали и направляли друг друга в темном тоннеле скорби на пути к свету.

Элизабет вспоминает, что как-то перед сном тринадцатилетний Саймон спрашивает, не хочет ли она навестить Фикра на небесах.

«Я говорю: «хочу» – и ложусь рядом с сыном на кровать.
– Сначала закрой глаза, – говорит он мне, – и садись в прозрачный стеклянный лифт. Теперь поехали.
– Что ты видишь? – спрашиваю я.
– У ворот сидит Бог, – отвечает он.

---

⁸ Названия произведений, не переведенных на русский язык, продублированы в тексте на языке оригинала.

Я спрашиваю:

– И как он выглядит?

– Как Бог, – говорит он. – А теперь мы заходим туда, где папа. У него две комнаты, – продолжает Саймон, – в одной узкая кровать и книги, а в другой он пишет картины. Мастерская просто огромная. Он может выглянуть в любое окно, в которое захочет, и рисовать.

Когда настает пора уходить, за нами возвращается тот же лифт».

«Ты можешь приезжать сюда со мной, когда захочешь», – говорит Саймон матери.

Элизабет Александер – поэтесса, отмеченная престижными наградами, в прошлом профессор Йельского университета, ныне – президент фонда имени Эндрю У. Меллона, – рассказывает о горечи утраты, постигшей ее пятнадцать лет назад. Книга Александер по сути – любовное послание Фикру Габриазису, признание, из которого мы отчетливо понимаем, каким он был мужем, отцом и художником. В книгу она помещает его прекрасные, яркие работы, и они словно оживают на страницах. Она описывает их с Фикром первую встречу. Вспоминает, как они влюбились, как вместе готовили, писали друг другу хайку в общей тетради, слушали Ахмада Джамала, Бетти Картер, Эбби Линкольна, Рэнди Уэстона и Дона Пуллена – «гениев африканского происхождения, от которых мы оба были в восторге».

В своих стихах – «Великое американское» («*American*

Sublime)), «Венера готтентотская» («*The Venus Hottentot*»), «Книга снов Антебеллума» («*Antebellum Dream Book*») – поэтесса развивает тему связи прошлого и настоящего и поднимает вопрос о сложностях на пути к обретению собственного «я». Не стали исключением и эти воспоминания: в них она запечатлевает причудливые повороты судьбы, приведшие к соединению двух сердец. Случилось так, что Александр и Габриазиус родились по разные стороны света с разницей в два месяца: она – в Гарлеме, он – в раздираемой войной Эритрее, которую позже покинул ради Америки, проехав через Судан, Италию и Германию.

После его смерти Александр ощущает, как горе захлестнуло их дом. Ей кажется, что она «готова ждать его возвращения вечно»; вот сейчас она оставит свет в гостиной и на улице. Она грезит, что он вернется, быть может, приедет (подкатит верхом) на скейтборде. «Я старею, а он нет», – размышляет она.

Она не знает, как записать информацию на DVD-диск, потому что их с мужем это никогда не интересовало. Еще полтора года оплачивает его мобильный, чтобы не пропали отправленные им текстовые сообщения. И намеренно не заходит в книжные магазины – ей кажется, что она встретит его в отделе книг по истории, искусству или садоводству.

Александр и Габриазиус познакомились в Нью-Хейвене, в пригороде которого, Хэмдене, вырастили двоих сыновей. Александр прожила там довольно долго и с присущим ей

поэтическим даром описывает ландшафт Нью-Хейвена как «причудливую смесь деревьев Новой Англии и индустриальных развалин», не забывая про неожиданно вкусную местную еду и удивительно гармоничное переплетение университетской и уличной жизни.

Заканчивается книга их с сыном переездом из Нью-Хейвена в Нью-Йорк. Накануне они решают посетить могилу Фикра, но из-за того, что прием у врача задержали, не успевают на кладбище до закрытия. Саймон принимает это как должное и произносит: «Могила отца напоминает мне о его смерти, я же хочу помнить о его жизни».

Поэтесса развивает тему связи прошлого и настоящего и поднимает вопрос о сложностях на пути к обретению собственного «я». Не стали исключением и эти воспоминания: в них она запечатлевает причудливые повороты судьбы, приведшие к соединению двух сердец.

Мухаммед Али

***Величайший: Моя собственная
история (The Greatest:
My Own Story) (1975)***

**Мухаммед Али совместно
с Ричардом Даремом**

Сборник о Мухаммеде Али (1998)

**Под редакцией Джеральда Эрли
*Король Мира: Мухаммед
Али и возрождение
американского героя (1998)***

Дэвид Ремник

Посвящение: Мухаммед

Али, 1942–2016 (The Tribute:

Muhammad Ali, 1942–2016) (2016)

Журнал «Спортс иллюстриейтед»

Лучше о нем не скажешь: «космонавт от бокса», «заковавший молнию в наручники» и бросивший «гром в тюрьму»; великолепный воин «с железными кулаками и прекрасным загаром»; «величайший из когда-либо живших бойцов», который мог «проскочить через бурю» и не вымокнуть.

Мухаммед Али не только поразил мир потрясающей скоростью и мощью на ринге. Он обрушил на человечество силу своих убеждений, решимость, с которой боролся против расистских законов Джима Кроу и отстаивал свободу творить самого себя: «Я не обязан быть тем, кем вы меня хотите видеть. Я свободен в своем праве быть тем, кем хочу быть я».

«Я – Америка», – провозгласил он с гордостью задолго до появления движения Black Lives Matter. «Я – ее едва различимая часть, и все же – привыкайте ко мне. Черный, самоуверенный, нахальный – это все про меня, а не про вас. У меня своя, не ваша религия. Свои, а не ваши цели. Привыкайте ко мне».

Он отстаивал свободу и социальное равенство вместе с Мартином Лютером Кингом-младшим. Выступал против войны во Вьетнаме, отказавшись в 1967 году по религиозным соображениям от военной службы, за что его на пике карьеры на три с половиной года лишили боксерской лицензии, не присудили заслуженный титул чемпиона мира и удержали призовую премию размером в несколько десятков тысяч долларов. Кроме того, он потерял любовь многих по-

клонников, заработанную за годы популярности.

Али был разносторонне одарен: не только великолепный спортсмен, грациозно движущийся в свете софитов, но и сознательный гражданин, который доносил до властей правду, а также – прекрасный оратор, поэт, философ, талантливый актер, политический деятель, один из родоначальников хип-хопа, личность, которую по праву можно поставить в один ряд с Уитменом, Робсоном⁹, Малкольмом Иксом, Эллингтоном и Чаплином. Писателей завораживали его уникальные противоречия: названный «Величайшим», одолевший в жестких схватках многих плохих парней – и при этом почитаемый гуманитарный деятель; глубоко религиозный, но обожающий розыгрыши и фактически придумавший жанр словесной дуэли с ненормативной лексикой; по словам Обамы – «человек с довольно радикальными взглядами в нашу и без того радикальную эпоху». Он снискал такую любовь американцев, исповедующих различные политические убеждения, что о нем создали комикс, где он спасает мир вместе с Суперменом.

За прошедшие годы деятельность Мухаммеда Али стала поводом для захватывающих литературных произведений: от ставшего классикой рассказа Нормана Мейлера об одержанной боксером в 1974-м победе в Заире над Джорджем

---

⁹ Поль Лерой Бастилл Робсон (1898–1976) – американский певец, актер театра и кино, прославившийся как своими достижениями в области культуры, так и политической активностью.

Форманом – до яркого повествования Дэвида Ремника «Король мира» («*King of the World: Muhammad Ali and the Rise of an American Hero*»), где он описывает появление Али в американской политике и культуре и его преобразующее влияние на эти сферы жизни. Также нельзя не упомянуть о множестве замечательных очерков о жизни Али, вышедших у таких талантливых авторов, как Джойс Кэрол Оутс, Джордж Плимптон, Том Вулф, Хантер С. Томпсон, Роджер Кан. Многие из них можно почитать в потрясающей антологии «Сборник о Мухаммеде Али» («*The Muhammad Ali Reader*»).

Журнал «Спортс иллюстрейтед» на протяжении 1942–2016 годов печатал фотографии Али, ставшие культовыми. На них запечатлено то, что боец Хосе Торрес назвал «поражительной магией»: речь, например, о знаменитой фотографии Мухаммеда Али, победоносно стоящего над поверженным на землю Сонни Листоном. Или ключевой момент поединка, получившего название «Грохот в джунглях», против Джорджа Формана: Али наносит решающий удар справа. И то фото, где он мрачно смотрит в упор на измотанного боксера Джо Фрейзера в не менее знаменитой схватке «Триллер в Маниле». К культовым относятся и снимки юного худенького двенадцатилетнего Кассиуса Клея¹⁰, делающего первые шаги в боксе, и Али – серьезного оратора, объясняющего репортерам свою позицию в отношении Вьетнамской войны.

Читая эти книги, мы вспоминаем, что главный мотив жиз-

---

¹⁰ Имя Мухаммеда Али, данное ему при рождении.

ни Мухаммеда Али – упорство. Будь то победоносное возвращение (после отстранения правительством от участия в поединках) на мировой чемпионат 1974 года в Заире, где он с удвоенной яростью дрался против Формана, или повторный бой с Фрейзером, которому он проиграл в первую их встречу в упорном поединке, или еще одна встреча с Леоном Спинксом в 1978-м, закончившаяся победой Али – теперь уже троекратного мирового чемпиона в тяжелом весе. Как однажды сказал сам Али: «Чемпионами становятся не в спортивных залах. Чемпиона рождает то, что у человека внутри, – желания, мечты, цели... воля к победе важнее навыков».

Кассиус Клей рос в сегрегированном Луисвилле штата Кентукки, где царила атмосфера расового неравенства. Даже когда он в 1960-м приехал в родной город с олимпийской золотой медалью на шее, ему отказали в обслуживании в одном из ресторанов. Тридцать пять лет спустя, в 1996-м, Али вернулся на проходившую в Атланте Международную олимпиаду в качестве факелоносца, зажигающего олимпийский огонь: к тому времени он стал одним из самых почитаемых людей на планете.

Мухаммед Али умер третьего июня 2016 года. Скорбящие забрасывали похоронный кортеж цветами и лепестками роз. По сведениям лувисвилльского «Курьер-джорнал», в знак уважения к Величайшему по всему маршруту процессии постригли газоны и вымыли улицы.

Опыт

Мемуары (2000)

Мартин Эмис

Каково расти с мечтой стать писателем-романистом, если твой отец – известный автор романов? В изданных в 2000 году мемуарах под названием «Опыт» (*«Experience»*) Мартин Эмис рассматривает этот вопрос с изрядной долей юмора и теплотой. Рисует картину отношений отца и сына, вдохновенную любовью к хорошей литературе, бесконечной душевной привязанностью и присущей писателям-романистам способностью оживлять события прошлого яркими эмоциональными штрихами.

Поклонникам творчества Мартина Эмиса и его отца Кингсли хорошо известно о сходстве литературного стиля обоих писателей. И отец, и сын начинали литературный путь «рассерженными молодыми людьми», наделенными даром язвительной сатиры и жалящего юмора. Оба писали классические романы о безответственных, заблудших, эгоистичных субъектах вроде Джима Диксона из романа Эмиса-от-

ца «Везунчик Джим» или Джона Сама («Деньги») и Ричарда Тиля («Информация») – героев произведений Эмиса-сына. И тот, и другой разделяли высказанную Эмисом-старшим точку зрения: «всякий настоящий писатель обязан уметь написать о чем угодно, будь то проповедь по случаю Пасхи или корыто для купания овец».

С годами книги Мартина Эмиса превзошли романы отца по новаторским идеям и замыслам. Датированный 1989 годом роман «Лондонские поля» описывает декадентский постапокалиптический мир в мрачных сатирических тонах, в то время как законченная в 2006-м ярчайшая работа «Дом свиданий» посвящена устрашающим реалиям советского ГУЛАГа. Если романы такого рода говорили о стремлении автора братья за серьезные исторические темы и готовности экспериментировать с подбором разных героев, жанров и писательских техник, то «Опыт» стал работой, привнесшей в творчество писателя эмоциональную вовлеченность и теплоту.

Быть сыном Кингсли Эмиса – дело не простое. В 1991-м увидели свет едкие мемуары Эмиса-старшего, которые не только уверенно вошли в десятку лучших литературных произведений, но и показали истинное лицо автора – неуживчивого ворчуна, критикующего всех и вся. Книги сына Кингсли охарактеризовал как неудобоваримое чтение, а его политические взгляды назвал «вредоносной унылой бессмыслицей».

«Опыт» рисует картину отношений отца и сына, вдохновенную любовью к хорошей литературе, бесконечной душевной привязанностью и присущей писателям-романистам способностью оживлять события прошлого яркими эмоциональными штрихами.

«Отец никогда не вдохновлял меня писать, не предлагал отправиться в это путешествие с мизерными шансами на успех, – вспоминает Мартин Эмис на страницах „Опыта“, – гораздо чаще, чем похвала, мне доставалось его публичное порицание».

Эмис-младший предполагает, что самые провокационные политические заявления отец делал лишь для того, чтобы лишний раз над ним «поиздеваться». В «Опыте» он платит отцу той же монетой: по-приятельски тепло повествуя об их отношениях, описывает себя как «занудного подростка в бархатном костюмчике и ботинках из змеиной кожи», стремящегося напустить на себя нелепые «манеры нахохлившегося петушка», а Кингсли-старшему в его лучшие годы при-

писывает славу неутомимого сердцеда, пьяницы и непревзойденного остряка, «искрящего юмором» в кругу семьи.

Годы спустя Мартин почти каждую субботу возил юных сыновей на обед в дом отца, не считая того, что еженедельно составлял ему компанию за столом в один из будних дней. После развода в 1993-м и ухода к другой женщине именно к отцу обратился Мартин за советом и поддержкой. «Только ему одному, – говорит писатель, – я мог признаться, как гадко у меня на душе, насколько я физически измотан, поставлен в тупик и словно одурманен всем произошедшим, каких усилий мне стоит сохранять приветливое выражение здравомыслящего, приличного человека. Лишь с ним я мог говорить о том, что сотворил с собственными детьми. Потому что он сотворил со мной ровно то же самое».

Кингсли страдал никтофобией – боязнью ночной темноты, и монофобией – страхом одиночества. После болезненного разрыва Кингсли с Элизабет Джейн Говард, ради которой он бросил мать Мартина, сыновья пообещали, что отец никогда не останется один. Каждый вечер Мартин и его брат по очереди «сидели с папой».

В мемуарах «Опыт» Мартин Эмис убедительно описывает множество явлений: дружбу и споры в литературных кругах, ужасы похода к зубному хирургу, исчезновение и убийство двоюродной сестры. Однако после прочтения этой книги наиболее яркий и неизгладимый след оставляет ощущение, что в мире есть место обычным чудесам и неприятно-

ствиям, с которыми мы сталкиваемся в повседневной жизни, и понимание того, что значит быть чьим-то сыном, а что — отцом собственных детей.

Уайнсбург, Огайо (1919 год)

Шервуд Андерсон

Говоря об американской фантастике, трудно назвать работу, сильнее повлиявшую на последующие поколения писателей, чем вышедшая в 1919 году книга Шервуда Андерсона «Уайнсбург, Огайо» – несколько взаимосвязанных рассказов, повествующих об одиноких жителях выдуманной деревушки на Среднем Западе.

Творчеству Шервуда Андерсона отдавали должное Фолкнер, Фицджеральд и Стейнберг. И в таких разнородных работах, как «Сойди, Моисей» Фолкнера, «В наше время» Хемингуэя, «Человек в картинках» Рэя Брэдбери и «Что они несли с собой» О'Брайена, есть некоторые элементы новаторской структуры, присущие книге Шервуда Андерсона. А изгои и эксцентрики, населяющие фантастические произведения Карсона Маккалера и Фланнери О'Коннора, очень напоминают потерянных, обездоленных и одиноких героев «Уайнсбурга». Можно еще вспомнить Джорджа Сондерса, Рэймонда Карвера, Дениса Джонсона, Рассела Бэнкса и Тома Перротту – и это лишь небольшая часть современных пи-

сателей, на чье творчество явно или неявно повлияла классическая работа Андерсона.

Как в «Дублинцах» Джойса, написанных в 1914-м, в «Уайнсбурге» действие рассказов происходит в одном городке, и каждая история посвящена простым людям, чьи честолюбивые планы не сбылись, а мечты постепенно растаяли. В «Уайнсбурге» изображен мир небольшого поселения. Чувство оторванности, с которым жители имеют дело ежедневно, отражает более крупный процесс изменения социального ландшафта, затрагивающий всю Америку XX века – когда молодежь покидает маленькие населенные пункты и переселяется в растущие из-за этого крупные города и их окрестности.

Для рассказов Андерсона характерно сумеречное настроение, как в живописи Эдварда Хоппера. Герои – одинокие люди, чья жизнь отмечена несостоявшимися встречами и утраченными возможностями. В книге более двадцати персонажей. Среди них пожилой вдовец доктор Рифи – он складывает в карман нацарапанные на клочках бумаги мысли, а потом все равно их выбрасывает; одинокая девушка Элис, так и не пережившая отъезд своего парня; телеграфист Уош Уильямс – он «всею душой, с упоением поэта» ненавидит жизнь; преподобный Кертис Хартман, который подглядывает в окно за хорошенькими женщинами и молит об избавлении от искушения; школьная учительница Кэйт Свифт – ее вожделеет преподобный Хартман, а она поощряет лите-

ратурные устремления другого героя книги – Джорджа Уилларда; мать Джорджа, Элизабет – хворая владелица захудалой гостиницы, возлагающая на сына все надежды и чаяния.

История жизни взрослого Джорджа прослеживается во всех рассказах. Он служит репортером в местной газете, другие герои доверяют ему тайны, он – связующее звено книги и кто-то вроде самого Андерсона в молодости: тот тоже рос в небольшом городке в Огайо.

После смерти матери Джордж решает «уехать из Уайнсбурга в большой город и найти работу в крупной газете». Молодой человек не хочет закапывать в землю «талант», который разглядела в нем учительница. Как многие романы о нравственном становлении, книга заканчивается тем, что герой, покидая свой городок, садится в поезд на запад – предположительно в Чикаго, – «чтобы познать все уготованное жизнью».

Истоки тоталитаризма (1951)

Ханна Арендт

В вышедшей в 1951 году книге «Истоки тоталитаризма» Ханна Арендт исследует два самых чудовищных политических строя в истории человечества, пришедших к власти в двадцатом столетии. Их появление можно было предвидеть – благодаря таким явлениям, как уничтожение истины и признание того, что недоверие, усталость и страх делают людей восприимчивыми ко лжи и фальшивым обещаниям политических лидеров, жаждущих безграничной власти. «Идеальный подданный тоталитарного режима – пишет Арендт, – это не убежденный нацист или убежденный коммунист, а человек, для которого более не существуют различия между фактом и фикцией (т. е. реальность опыта) и между истиной и ложью (т. е. нормы мысли)».

Современного читателя может насторожить, что слова Арендт не столько принадлежат другому веку, сколько отражают политическое и культурное пространство, в котором мы живем сейчас. Мир, где президент Дональд Трамп строит на лжи крупный бизнес – по подсчетам «Вашингтон пост»,

за три года пребывания в Белом доме он сделал 16 241 заявление, ложное по сути или вводящее в заблуждение. Мир, где сфабрикованные в промышленных масштабах российскими и ультраправыми троллями дезинформационно-пропагандистские новости мгновенно разлетаются по свету через соцсети.

В разделенных идеологическими барьерами людях, живущих внутри собственных информационных пузырей, снова произрастают корни национализма и шовинизма. Они теряют ориентиры, испытывают страх перед изменением общественного строя, начинают презирать иностранцев, теряют чувство общности с другими и способность коммуницировать с представителями иных социальных и религиозных групп.

Я не стремлюсь проводить аналогию между происходящим сегодня и ледящими душу ужасами Второй мировой войны. Однако, читая книгу Арендт, можно выделить некоторые закономерности, которые делают людей более восприимчивыми к речам демагогов и диктаторов, а страны – уязвимыми для тиранических режимов. Сама писательница, разбирая работы Оруэлла «1984» и «Скотный двор», назвала эти признаки «предупредительными флагами».

Ниже приведены главные выводы Арендт о «скрытых механизмах», при помощи которых тоталитарные течения размывают существующие политические и нравственные нормы, а также о характеристиках, присущих пришедшим к вла-

сти тоталитарным режимам.

- Ранний признак – отказ страны от предоставления убежища. По словам Арендт, усилия, направленные на лишение беженцев их прав, – это «ростки смертельной болезни», потому что, ниспровергнув однажды «принцип равенства всех перед законом», государству тяжелее «противиться искушению лишить всех граждан правового статуса».

- По замечанию Арендт, лидеры тоталитарных движений «никогда не признают ошибок», а их неистовые последователи, чье сознание замутнено сочетанием легковерия и цинизма, лишь буднично отряхиваются от их лжи. Аудитория, жаждущая простых объяснений происходящего в сложном, запутанном мире, «отказывается верить собственным глазам и ушам» и с легкостью готова окунуться в предлагаемый пропагандой «уход от реальности». Власти прекрасно понимают: люди «готовы поверить в самое худшее, не принимая в расчет, насколько оно абсурдно», и не возражают против обмана, потому что теперь «считают ложью все, что сказано».

- Поскольку тоталитарные правители алчут абсолютно-го контроля, подчеркивает Арендт, они предпочитают руководить неповоротливым, неэффективным бюрократическим аппаратом. На место ярких талантов приходят «болваны и дураки, у которых само отсутствие умственных и творческих способностей служит лучшей гарантией их верности». Часто «неожиданные перестановки во власти и изменения в поли-

тике» продиктованы не результатами работы и эффективностью назначенных лиц, а их личной преданностью правителю, ценящейся превыше всего.

- Чтобы утвердить чувство принадлежности последователей к движению, устремленному к отдаленной цели, добавляет Арендт, оно постоянно ссылается на противоборствующих ему предателей или врагов: «как только покончено с одним из них, война объявляется кому-то другому».

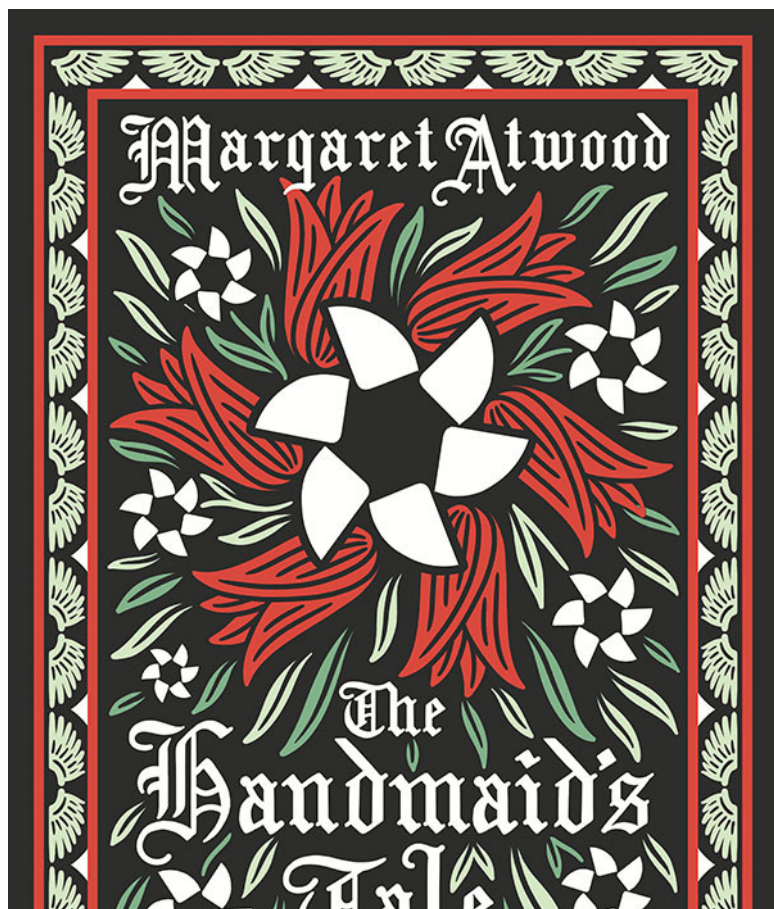
- Другая особенность тоталитарных правительств, подчеркнутая Арендт, заключается в упорном презрении «утилитарного здравого смысла» – позиции, которая зиждется на лживости и отрицании фактов и поддерживается сумасбродными правителями, страстно верящими, что любые неудачи можно перечеркнуть и стереть, и «достаточно безумными для того, чтобы перешагнуть любые барьеры и подчинить внутренние интересы – будь то экономическая, государственная, социальная или военная сферы – в угоду исключительно вымышленной реальности», что наделяет их непогрешимостью и абсолютной властью.

«Истоки тоталитаризма» стоит почитать не только для того, чтобы вспомнить об ужасных преступлениях, совершенных в двадцатом столетии в нацистской Германии и сталинском Советском Союзе, но и ради предоставляемого книгой отрезвляющего предупреждения в отношении определенных процессов, которые в будущем могут стать топли-

вом для тоталитарных движений. Из работы Арендт отчетливо видно, как разобщенность, утрата исторических корней и неопределенность в экономической сфере делают людей восприимчивыми ко лжи и распространяемым тиранами теориям заговора. Автор показывает, как вооруженный демагогией фанатизм и шовинизм питает популистские движения, основанные на этнической ненависти, подрывая давние институты, призванные защищать наши свободы и верховенство закона, и разрушая саму идею общности интересов всего человечества.

Рассказ служанки (1985)

Маргарет Этвуд

Всегда актуальные романы-антиутопии одновременно обращены в прошлое и в будущее. «1984» Оруэлла – жестокая сатира, обличающая СССР времен Сталина, и вместе с тем – тщательный и до сих пор не устаревший анализ такого явления, как тирания. Эта антиутопия предугадала появление полицейского государства и «лживой пропаганды», ежедневно изрыгаемой путинским Кремлем и трамповским Белым домом в попытке придать реальности новый смысл. Еще в тридцатые годы прошлого века Олдос Хаксли в книге «О дивный новый мир» выразил опасение, что свободе индивида угрожают два режима: коммунизм и промышленный капитализм. И предположил приход техногенного будущего, где людей одурманивают и сбивают с толку разного рода развлечением.

Работая над вышедшим в 1985-м всемирно известным «Рассказом служанки», Маргарет Этвуд приняла решение не включать в роман то, «что еще не произошло» где-либо и когда-либо в истории или «на тот момент было невозможно» с точки зрения технического прогресса. Писательница вывела некоторые заключения относительно будущих событий, опираясь на подмеченные ею лично в семидесятые и начале восьмидесятых тенденции (например, возрастание популярности фундаментализма в Америке). При этом брала в расчет антиженские настроения пуритан в XVII веке и такие ужасные феномены истории, как развернутая в Лебенсборне

нацистская программа и акты публичной казни в Северной Корее и Саудовской Аравии. Изображенный Этвуд утопический режим приходит к власти в Соединенных Штатах в не таком уж отдаленном будущем.

Прочитав только что опубликованный «Рассказ служанки», тогда, в восьмидесятые, многие из нас решили, что описанные Этвуд события в Галааде могут относиться лишь к отдаленному прошлому или способны произойти в отдаленной части земного шара. Однако уже к 2019 году американские новостные выпуски наполнили репортажи о том, как детей вырывают из рук родителей, сеющие страх и ненависть расистские заявления президента и сообщения о нарастающем темпе климатических изменений, угрожающих привычному образу жизни людей на планете в том виде, в котором мы его знаем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.